

Хаим и Роза

*Любовникам всем моим
Я счастье приносила.*

Анна Ахматова.

У аптекарши Розы был любовник. Об этом знало все Краснополье, за исключением её мужа заготовителя райзаготконторы Хаима-Лейба. И это никого не удивляла. Разве можно было представить стройную, рыжеволосую красавицу с миндальными глазами, всегда ухоженную и нарядную, рядом с маленьким неказистым человечком в латаной рубашке, засмальцованой фуфайке, в больших галифе и кирзовых сапогах, и не имеющую любовника?

Надо сказать, что работа заготовителя не предполагала иной одежды, ибо была связана с ежедневными поездками по деревням и возни во всем тем, что продавал вокруг народ: от ненужных грязных тряпок, которые назывались утильсырьём, до вполне аппетитных телят, мясо которых пополняло закрома страны. Всё это покупалось за наличные деньги, и большие суммы проходили через руки заготовителей, привлекая к их работе бесконечное внимание всех карающих органов.

Как ни старались заготовители быть самыми неприметными в посёлке, всё равно все их считали богачами, и менялись они в райзаготконторе почти ежегодно, кто уходил по собственной воле, а кто отправлялся в места, не столь отдалённые с полной конфискацией имущества.

И только Хаим-Лейб спокойно исполнял свой долг, несмотря на умопомрачительные для Краснополья наряды Розы и даже на ежемесячно обновляющиеся серёжки на её ушах! Ибо все знали, что это подарки любовника! Только кто её любовник никто в Краснополье не знал. Даже лучшая подруга Розы Белла разводила руками, когда дела касались любовника Розы. Конечно, все знали, что он кто-то большой в области, ибо всегда, возвращаясь из поездок в Могилёв, куда Роза ездила регулярно два раза в месяц за товаром, она появлялась на работе в обновках.

Где-то в душе каждый жалел Хаима-Лейбу. И многие пытались открыть ему глаза на поведение жены, но Хаим-Лейб решительно становился на её защиту, доказывая всем и иногда с кулаками, что его Розочка безгрешна, как ангел. И даже его заверения, что это он даёт Розочке деньги на обновки, несмотря на его копеечную официальную зарплату, должны были бы вызвать заинтересованность компетентных органов, но они не обращали на эти самооговоры Хаима никакого внимания: чего не скажешь, защищая честь жены!

Даже приводящий в ужас всё местное торговое население посёлка, ревизор из области Казимир Францевич, пересадивший половину краснопольской торговой элиты, к Хаиму-Лейбу проявлял мужскую солидарность и где-то сочувствие. Говорили, что ему в молодости тоже изменяла жена, и он по этому поводу пытался покончить жизнь самоубийством. Кстати, стал он от этого безжалостным и неподкупным.

– Может это счастье – не верить в измену, – говорил он, когда начинали разговор о Хаиме, – ибо в каждом из нас живет Отелло! Маленький или большой, но Отелло!

При этом он вспоминал всегда какую-нибудь жуткую историю из ревизорской практики, когда любовник или любовница ради своей страсти забирались в государственный карман. После потрясающего рассказа, Казимир Францевич задумчиво смотрел на собеседника и, подводя итоги своего разговора, добавлял:

– Я вам скажу, что не мешало бы проверить, сходится ли дебит и кредит в хозяйстве поклонника Розалии Ефимовны, если он, конечно, работает в сфере нашей компетенции!

Но где он работает, никто не знал. Хотя однажды новый прокурор, которого перевели из Осипович в Краснополье за обильные донжуанские похождения, попытался узнать это. К этому его влекло не любопытство, а страсть к прекрасной аптекарше, которая на двусмысленные намёки прокурора ответила на его удивление решительным отказом.

– У неё в любовниках большой человек из области, – заметил прокурору его помощник, выслушав рассказ шефа о любовной неудаче.

– Я думаю обыкновенный магазинщик, – хмыкнул прокурор, – и мы упечём его лет так на десять в места, не столь отдалённые!

И в очередную поездку Розы в область, вслед за ней по просьбе прокурора милиция отправилась в штатного агента Пиню, который в обычной жизни работал часовым мастером в „Доме быта” и посему в тайных бумагах милиции носил кличку Победа. Занимался он мелкими доносами на парикмахеров и фотографов и однажды заложил даже директора „Дома быта”, который бесплатно пошил кожаные галифе силами подчинённого ему ателье.

Поняв ответственность задания, и, следуя инструкциям прокурора, Пиня решил не выпускать Розу ни на минуту из поля своего зрения, но оказавшись в Могилёве, он растерялся и потерял объект наблюдения буквально в первые минуты. Надо сказать, что он старался выполнить задание. Роза от автовокзала пошла в Дом советов, крупнейшее здание в центре города. И Пиня следовал за ней буквально до лифта и даже несмотря на то, что, первый раз в жизни видел лифт, геройски вскочил в него вслед за Розой, но... был буквально вытеснен из него толпой, спешащих по своим отделам людей, на первой же остановке, а Роза поехала дальше, даже не помахав земляку на прощание ручкой. Целых два часа Пиня блуждал по громадному зданию, ища выход наружу. В конце концов, какой-то милиционер усадил его в лифт, привёз к центральному входу и даже рассказал, как найти дорогу назад к автовокзалу. Эту кошмарную историю, конечно, Пиня не мог поведать пославшим его, и он придумал не менее кошмарную историю, в которой Розу встречали на бронированном автомобиле, а его, Пиню, пытавшегося прорваться к машине, держали двое неизвестных с удостоверениями Госбезопасности!

После такого донесения у прокурора пропало желание обладать прелестями Розы, а Пине было приказано строго-настрога никому не сообщать об увиденном. Но, конечно, Пиня долго не мог хранить тайну, и придуманная им история стала обрастать новыми подробностями, подымая любовника Розы до невиданных высот.

И надо сказать, в страшные времена, когда дело врачей докатилась до Краснополя, и стали арестовывать и отстранять от работы всех евреев, связанных с медициной, Розу не тронули несмотря на то, что она заведовала аптекой, и, как тогда говорили, непосредственно была связана с отравляющими веществами! Местные власти не захотели связываться с высшим начальством, помня о донесении агента Победы.

У нас дома о Розе никогда не говорили. Бабушка однажды при мне резко остановила соседку, принёсшую очередную историю про аптекаршу:

– Не надо заглядывать в чужой горшок: можно ошпарится! Тебе не нравится её манделах, так не бросай их в свой суп! Она не для тебя их готовила!

Розина история меня, как и бабушку, тоже не интересовала, но жизнь иногда устраивает невозможные повороты, и я неожиданно прикоснулся к Розиной тайне довольно близко...

После школы, я уехал в Могилёв учиться, стал писать рассказы, стал печататься. И, как-то после публикации в Москве, надо отметить неожиданной и приятной для меня, случайно встретился на улице с таким же начинающим литератором, как и я. Он поздравил меня с рассказом и тут же предложил отметить успех в только что открывшемся кафе „Дубрава“, успевшем прославиться драниками и мочанкой. Надо сказать, что знакомство у нас было шапочное, был он очень скользкий человек и, вообще, мы про себя среди литераторов звали его Михасем Вышлом, ибо главным кредом его поведения было правило – как бы чего не вышло. Но не отметить публикацию в московском журнале было бы большим грехом, и, купив в магазине водку, мы направились в кафе. Но не успели переступить порог, как мой друг резко изменился в лице, поспешно развернулся и сказал, что надо отсюда уходить:

– Пойдём в столовую на Первомайской.

– Почему? – удивился я, ничего не соображая.

– Секретарь обкома по идеологии сидит, – прошептал он, наклоняясь чуть ли не к самому моему уху. – Увидит, что поэты пьют, припомнит... Нам это надо?

Я в жизни никогда не видел секретарей обкома, и меня обуряло любопытство посмотреть на него. И даже возникло желание назло Вышло остаться в кафе: ведь это был мой праздник, а не его. И, вообще, мочанка – моё любимое блюдо! И, вообще, плевал я на секретарей обкома, меня в Москве напечатали!

– Где он сидит? – спросил я.

– У правого окна, с дамой, – прошептал Вышло и демонстративно посмотрел в другую сторону.

Я повернулся и увидел... Розу. Она была той дамой, с которой сидел так испугавший Вышло секретарь обкома. Секретаря обкома я так тогда и не разглядел – я видел только Розу. Роза почувствовала мой взгляд и подняла глаза. Наши взгляды встретились. И она, узнав меня, неожиданно подмигнула мне, как разведчица из шпионского фильма... У меня пропало желание остаться в кафе, и мы пошли отмечать рассказ в столовую.

Я никому не рассказал об этой встрече. Даже дома. Потом забылся о ней. Потом переехал жить в Молодечно. Потом в Бобруйск. Потом краснопольцы стали разъезжаться по миру. Потом уехал в Америку и я.

Потом как-то попал в Балтимор к знакомым на бармицву и совершенно случайно встретил Хаима-Лейбу и Розу. Её я узнал сразу, хотя, конечно, время взяло своё, и краснопольская красавица превратилась в пухленькую ухоженную старушку. А вот Хаима я узнал не сразу: долго осматривался по сторонам, ища его среди гостей. Узнать его было почти невозможно: он не просто постарел, а целиком изменился: округлился, стал как-то ниже ростом, глаза спрятались под чёрные очки, и, главное, он был в чёрном костюме-тройке, модной рубашке и с галстуком-бабочкой. Сама элегантность! Совсем не похожий на латаного-перелатанного Краснопольского заготовителя.

Заговорили. Оказывается, они приехали в Америку раньше меня. Жили сначала в Питсбурге. Потом перебрались в Чикаго. И вот приехали к знакомым на торжество. Когда-то вместе с ними отдыхали во Флориде. Я о чём-то с ними болтал, вспоминали кого-то из Краснопольских, а потом, мы присоединились к общим разговорам за столом. А разговоры, как это всегда у иммигрантов: от сегодняшнего перебрались в прошлое, и тут неожиданно для меня, Хаим стал рассказывать историю про Розиного любовника. Поведав гостям о её пе-

рипетиях и тогдашних краснопольских делах, Хаим, интригующе посмотрел на гостей и, как картёжник, неожиданно выбрасывающий на стол козырную карту, ошеломил слушателей неожиданной развязкой:

– И что вы думаете? Вы думаете, у Розы был любовник? Так я вам скажу, что вы ошибаетесь! Я вам скажу даже больше: всю эту историю придумал я сам. Когда мы поженились, я Розе сказал, что в силу моей профессии, я могу дать тебе деньги, но пользоваться ими мы не сможем! Не мне вам говорить какие были времена! Сплошные цорэс! Одни беды! Моего предшественника Яну Кричевца за новую крышу, которой он заменил старую, которая текла как водопровод, отправили в тюрьму на пять лет с конфискацией имущества! А Двойру-Цыпу, коммунистку со стажем, за серебряные серёжки с работы сняли!? И вдобавок исключили из партии! Конечно, такая жизнь не могла обрадовать мою Розу! Она таяла на глазах, как пломбир в солнечный день! Я год не спал и думал, что делать! И что вы думаете, я придумал? Никогда не догадаетесь! Я однажды проснулся среди ночи и говорю: „Мы их обманем!“ Вы понимаете, кого я имел в виду под словом ИХ! Саму Советскую власть! Меня в жар бросило от моих собственных слов! Роза спрашивает: „Как?“ И я говорю: придумаем Любовника! Всё что на тебе, как будто от него! Мои деньги – его имя! И мы начали крутить им мозги о-го-го как! О Розочкином любовнике говорило всё Краснополье! И все близлежащие деревни! И, кажется, даже Могилёв! Меня считали шлемазлом, дураком! А шлемазлами были они: у меня рубликов было немножко больше, чем у них, и при этом Розочка одевалась не хуже, а лучше жены секретаря райкома! – Хаим-Лейб гордо расправил плечи и повернулся к жене: – Розочка, покажи кольцо, которое у тебя с того ещё времени! Чистый бриллиант! За такое кольцо давали двадцать лет без права переписки! Одно на всё Краснополье! И сейчас на всё Чикаго! Я думаю, у жены нашего президента такого нет!

Роза покрутила в воздухе пальчиком с кольцом и с умилением посмотрела на мужа.

Марат БАСКИН.